

П.В. Иванов

ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК АГЕНТ ЛЕГКОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Согласно теории Э. Амина и Н. Трифта, изложенной в книге «Города. Переосмысляя городское», в городском пространстве основной формой взаимодействия индивидов является легкая социальность. В ее контексте потребление можно рассматривать, с одной стороны, как одну из основных форм самовыражения индивида, а с другой, как одну из основных форм городской коммуникации. При этом потребление рассматривается в наиболее широком смысле, т.е. качестве всего комплекса потребительских практик индивидов, проявления которых транспарентны в условиях легкой социальности. Потребительские практики становятся агентами легкой социальности, продуцируя амбивалентные энкаунтеры, вызывающие эмоции у индивидов как реализующих данные практики, так и наблюдающих их со стороны. Таким образом, потребление участвует в управляемости городского пространства.

Ключевые слова: *гетерогенные сообщества, гомогенные сообщества, город, городское пространство, капитализм, легкая социальность, моральный порядок, потребление, управление, урбанизм.*

Key words: *capitalism, city, consumption, governemnality, heterogenetic societies, homogenetic societies, light sociality, moral order, urbanism, urban space.*

*«Говорят, что если вы чего-то не можете найти на Базаре-на-Деве,
то этого предмета в природе не существует»*

Р. Асприн

В данной статье я хочу вывести теорию среднего уровня для описания процессов, происходящих в городских сообществах. Первичной базой для данной теории является концепция энкаунтеров Э. Амина и Н. Трифта (Amin, Trift 2002; Харламов 2008). Энкаунтеры — объекты как человеческой, так и нечеловеческой природы, взаимодействие с которыми определяет управление поведением индивида в городском пространстве. Изначальное взаимодействие

с энкаунтером вызывает у индивида эмоции, продуцирующие то или иное поведение, впоследствии энкаунтеры встраиваются в пространство определенности индивида и уже не вызывают эмоций, но вызывают «отработанные» реакции. Какое отношение это имеет к потреблению? Дело в том, что транспарентные потребительские практики индивида в капиталистическом пространстве города (выбор одежды, пищи, форм досуга, пола и т.д.) являются амбивалентными энкаунтерами, т.е. так или иначе управляют поведением самого индивида и людей вокруг него. Следовательно, выбор индивидом потребительской стратегии напрямую влияет на процессы в городском пространстве.

Современный город, потеряв значительную часть своих исторических функций: военную (современные военные доктрины не подразумевают наличие крепостей), индустриальную (современный город стремится максимально дистанцироваться от тяжелых производств, заводов), частично административную (виртуализация государства не требует от администрации физического присутствия где-либо), по сути дела выполняет только функцию конsumerистскую. Современный город аккумулирует всевозможные товары и услуги, стремится максимизировать спектр потребительских стратегий. На этой максимизации потребительских стратегий и построен основной принцип существования современного города. Это формирует особый моральный порядок города, который подразумевает принципиальную гетерогенность потребительских стратегий горожан. Современный город заключает с индивидом пакт, гарантирующий индивиду право есть именно такой слоеный пирожок с вишней, но ни в коем случае не мешать другому индивиду есть совершенно другое кондитерское изделие.

Этот моральный порядок необходим для поддержания стабильности городского пространства. И этим же объясняется толерантность городского пространства к девиантным практикам. Несмотря на законодательные ограничения, в любом современном городе можно выбирать между курением табака или марихуаны, между сексом по любви или сексом с проституткой. Городское пространство снисходительно относится к любым формам потребления, поскольку стремится к максимизации потребительских стратегий.

С этим связана тенденция превращения девиантных практик в нормативные. В качестве примера можно привести потребительскую стратегию байкеров. Начавшись с «униформы» отдельно взятой шайки, потребительская стратегия байкеров превратилась в нормативную капиталистическую индустрию — сотни фасонов «косух», миллионы возможностей для тюнинга «харлеев» и т. д. и т. п. Теперь любой человек может выбрать в качестве одной из своих потребительских практик «байкерство», вовсе не становясь околориминальным деятелем. И более того, на него на мотоцикле и в куртке с эмблемой посмотрят скорее с улыбкой, чем с ужасом и осуждением.

Адаптированные под городской капитализм девиантные практики служат в том числе и дополнительным увеселением, предоставляемым городом своим жителям. Адаптированные девиации служат витриной, вывеской города — «иди сюда, оставайся, здесь ты можешь стать кем угодно!». Именно поэтому современные города поощряют существование альтернативности, диверсификации

выбора. Колонны вышеупомянутых байкеров по случаю городских праздников, гей-прайд-парады, шествия по случаю Дня Святого Патрика, зомби-мобы, ралли старинных автомобилей — все это служит для подтверждения статуса города, как места где должно быть все, а если чего-то здесь нет — значит этого и найти невозможно.

Таким образом, городское сообщество при рассмотрении его в некоем идеальном состоянии представляет собой сообщество гетерогенного потребления, скрепленное легкой социальностью. Под легкой социальностью Амин и Трифт (Amin, Trift 2008) понимают ту форму взаимоотношений индивидов, когда с одной стороны не возникает агрессии по отношению к другому индивиду как к «чужому», с другой стороны, восприятие индивида сугубо функционально, т.е. рассматривается в ракурсе капиталистического, рыночного взгляда на взаимоотношения. Какая разница, сколько у него колец в ухе, зато он отличный автомеханик!

Причинность выбора потребительских стратегий индивидом лежит вне сферы рассмотрения данной статьи, хотя, конечно же, у почти каждой потребительской практики может быть объяснение на уровне обыденной логики или обыденной «психологии», что тоже играет немаловажную роль в выборе. Массовая культура в этом плане формирует огромное количество ходов и дискурсов, благодаря которым возможна самая разнообразная интерпретация.

Все вышесказанное, конечно же, относится к некоему абстрактному, идеальному современному капиталистическому городу. Городу, идеально спланированному и лишенному каких бы то ни было истории, национальной и государственной принадлежности. В реальности же каждый город обладает определенными особенностями, а также в той или иной степени не является «городом победившего капитализма». Гетерогенному потреблению капиталистического города противостоят сообщества гомогенного потребления. Оказываясь в городе, они нарушают его ткань, ставят под угрозу толерантное спокойствие легкой социальности. Под сообществами гомогенного потребления я понимаю такие сообщества, в которых идентичность потребительских практик продиктована теми или иными религиозными, идеологическими, традиционными законами. Гомогенность практик, базирующаяся на религиозных, идеологических и традиционных законах, как правило, влечет за собой неприятие участниками вышеуказанных сообществ практик, отличных от их собственных, а следовательно, либо агрессивную экспансию со стороны сообществ, либо агрессивное деструктивное взаимодействие с городским сообществом. Благодаря этому механизму формируются секты, этнические преступные группировки, экстремистские организации в том виде, в котором эти сообщества отражаются в современных СМИ и массовой культуре — т.е. в виде опасных для общества самой своей «выключенностью» из мира «обычных» людей. Под «обычными» людьми, конечно же, понимается усредненный горожанин, носитель гезельшафтных (Тённис 2007) ценностей.

Важно заметить, что опасен не сам носитель гемайншафтных ценностей. Сам по себе, как индивид, бритоголовый кришнаит с бубном только украсит пеструю картину города. Для города опасна концентрация этих носителей

вокруг тех или иных районов, флуктуаций. Толпа футбольных фанатов в вагоне московского метро опасна не тем, что все в ней болеют за одну команду, а тем, что всплеск гемайншафтно-фундированных эмоций в своей иррациональной солидаризации способен продуцировать агрессию по отношению к любому, кто вне поля гомогенных практик. Трэшер (Thrasher 1964) писал, что в бандах, формирующихся в кварталах компактного проживания представителей разных национальностей, гораздо ниже уровень расистских настроений, нежели в бандах, формирующихся в мононациональных районах. И угроза для «иных» тем выше, чем больше концентрация гомогенного потребления вокруг того или иного района, флуктуации. Подобная геттоизация может происходить по разным причинам, однако следствие любого гетто одно — выпадение того или иного района или флуктуации из нормативного пространства города.

Современный капиталистический город обладает мощным защитным механизмом от потери этих пространств, а именно — механизмом интеграции в потребительские практики гемайншафтных символов (как было показано выше на примере с байкерами), либо внедрения городских потребительских практик в пространства вынужденного гомогенного потребления (возможность получения высшего образования в тюрьме, социальные гостиные), либо устранения за пределы города пространств вынужденного гомогенного потребления (военных баз, тюрем). Однако данный механизм может не работать или работать не в полную силу за счет исторических, географических и иных причин. Тогда городское пространство, лишаясь основного механизма поддержания порядка, становится непредсказуемым. Сообщества гомогенного потребления вступают в затяжную конфронтацию, что приводит к стигматизации гомогенных сообществ со стороны друг друга и со стороны «капиталистических горожан».

Таким образом, мы переходим к основным принципам воздействия сообществ гомогенного потребления. Основным принципом является формирование отличной от тотальности города солидарности. Солидарность подразумевает спецификацию по тем или иным потребительским практикам. Эта спецификация необходима для маркирования и контроля членов гомогенного сообщества. Спецификация потребления, основанная на солидарности, отделяет индивида от вариативности гетерогенного сообщества города, вплоть до полного индивидуального устранения из капиталистических взаимоотношений в городском пространстве, как в случае с многими тоталитарными сектами. Специфицированные практики получают символическое наполнение, выстраиваются в институализированную систему правил и различий гомогенного сообщества. При этом необходимо заметить, что «ресимволизация» многих «расколдованных» капиталистическими взаимоотношениями практик также возможна, наравне с «пересимволизацией» нейтральных практик. «Пересимволизации» хорошей иллюстрацией может служить кинолента «Бакенбарды», в которой клуб почитателей творчества Пушкина превратился в агрессивное и ксенофобное сообщество гомогенного потребления. «Ресимволизация» же наблюдается чаще всего при формировании молодых гомогенных сообществ.

Примером этому может быть «ресимволизация» креста на руке, произошедшая на заре формирования субкультуры стрейт-эджеров — из стигматизирующего символа (человек выглядит недостаточно взрослым, чтобы ему продавали алкоголь в баре) он начинает пониматься как идеологический символ.

Следует различать сообщества гомогенного потребления и сообщества, объединенные сходными потребительскими практиками, «по интересам». Агрессивное и ксенофобное сообщество женщин, ходящих на кулинарные курсы, хоть и возможно в качестве постмодернистского мыслительного эксперимента, все же видится маловероятным в реальности. Для городского человека является естественным входить в сообщества, объединенные сходными потребительскими практиками, хотя бы в силу того, что многие потребительские практики невозможны или не столь привлекательны при индивидуальном потреблении (спорт, музыка, танцы и т.д.). Но для городского жителя подобная практика не мыслится как идеологическая категория, не является его определяющей характеристикой (если, конечно, не находится в сфере профессиональной деятельности). Несомненно, некоторые практики привносят оттенки стереотипизации в социальный портрет индивида, но для общей картины города не столь важно, что занятия страйкболом более ассоциируются с мужским гендером, нежели занятия аэробикой. Выбор потребительской стратегии всегда остается за индивидом, задача города только создать максимально широкий ассортимент и обеспечить функционирование индивида в экономике города.

Гомогенные сообщества, как правило стремятся дистанцироваться от городской экономики — это может выражаться в форме отказа от той или иной практики (бродяги, фриганы, «стрейт-эдж»), в форме создания собственной альтернативной экономической системы (клановость, местничество, воровской общак), либо в форме полного ухода из городской экономики (секты, дауншифтеры). Вышеуказанные формы дистанцирования могут носить самый разный характер, с точки зрения индивида (добровольный, вынужденный, имманентный и т.д.), но с точки зрения города это не важно, поскольку приносят один и тот же результат — город вынужден пытаться справиться с гомогенными сообществами, институируя их практики в спектр практик, допустимых в условиях «легкой социальности».

Однако следует понимать, что институирование практик гомогенных сообществ в условия «легкой социальности» требуют немалых структурных изменений в массовом сознании, необходимо само допущение принципиальной гетерогенности в городском пространстве, а для этого должно существовать развитое капиталистическое городское пространство. Максимизация гетерогенности, хотя и возможна только в современном капиталистическом городе, институирует современный капиталистический город. Это амбивалентный процесс, соразвитие города и городского сообщества. Каждый горожанин своим транспарентным потреблением формирует городской ландшафт, но при этом нуждается в тех ресурсах, которые может предложить только город. Безопасность, «определенность» — один из важнейших ресурсов, однако это вовсе не означает, что для нормального функционирования города необходимо полное отсутствие пространства неопределенности.

Именно в борьбе с определенностью города возникает разнообразие городских практик. Городские девиации — это своего рода фронтир капиталистического развития. Скейтбординг и паркур из практик молодежных шаек превращаются в виды спорта, разрешается открытая продажа рекреационных наркотиков и т.д. С одной стороны, это, как следствие защитного механизма города снижает концентрацию гомогенного потребления, с другой стороны, влечет за собой поиски новых фронтиров, новые «бегства к свободе», либо же обозначает неуязвимые на данный момент для капиталистической интеграции сообщества гомогенного потребления.

Чем сильнее символическая гезельшафтная солидарность гомогенного общества, тем сложнее сообщество подвергается адекватной интеграции в городское сообщество, тем труднее перенимает толерантность и легкую социальность городской среды. В первую очередь это относится к национальным, националистическим, религиозным и стигматизированным сообществам. В подобных сообществах чаще всего возникают криминальные и околокриминальные практики, с трудом поддающиеся интеграции в повседневное капиталистическое потребление. Но данный вопрос требует отдельного рассмотрения, поскольку санкционное взаимодействие власти с сообществами гомогенного потребления — слишком обширная тема.

Литература

Тённис Ф. Общность и общество. М.: Директ-Медиа, 2007.

Харламов Н. О книге Э. Амина и Н. Трифта «Города: переосмысливая городское» // Социальная реальность. 2008. № 1.

Amin A., Thrift N. Cities: reimagining the urban. Cambridge: Polity Press, 2002. [<http://www.worldcat.org/title/cities-reimagining-the-urban/>]

Thrasher F.M. The Gang: A Study of 1,313 Gangs of Chicago // Burgess E.W., Bogue D.J. (eds.) Contributions to Urban Sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1964.